

НА ЛИНИИ ФРОНТА

ПРАВДА О ВОЙНЕ

Александр Ильюшечкин, Максим Мосягин

**ВАРШАВСКОЕ
ШОССЕ —
ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ**

ТРАГЕДИЯ ЗАЙЦЕВОЙ ГОРЫ

1942—1943

На линии фронта. Правда о войне

Александр Ильюшечкин

**Варшавское шоссе –
любой ценой. Трагедия
Зайцевой горы. 1942–1943**

«Центрполиграф»

2014

Ильюшечкин А. А.

Варшавское шоссе – любой ценой. Трагедия Зайцевой горы. 1942–1943 / А. А. Ильюшечкин — «Центрполиграф», 2014 — (На линии фронта. Правда о войне)

Книга калужских историков и поисковиков А. Ильюшечкина и М. Мосягина посвящена одной из трагических страниц Великой Отечественной войны – ожесточенной борьбе за контроль над Варшавским шоссе, фокус которой пришелся на территорию нескольких высот и деревень в Бярытинском районе Калужской области, прилегавших к этой важнейшей транспортной артерии. Сражение за Зайцеву гору – такое собирательное наименование получили бои – продлилось больше года, с февраля 1942 по март 1943 г. Противник в районе Зайцевой горы имел развитую сеть опорных пунктов, насыщенных различного вида вооружением, многочисленные инженерные сооружения. С господствующих высот противник контролировал местность на десятки километров. Именно в боях за Зайцеву гору полегли многие тысячи бойцов и командиров Красной армии. Книга написана на богатом архивном и мемуарном материале. Рассчитана на специалистов-историков, преподавателей вузов, студентов и всех, кто интересуется историей Великой Отечественной войны. Серия «На линии фронта. Правда о войне» выпускается с 2006 года.

© Ильюшечкин А. А., 2014

© Центрполиграф, 2014

Содержание

Введение	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Александр Ильюшечкин, Максим Мосягин Варшавское шоссе – любой ценой. Трагедия Зайцевой горы. 1942–1943

*Вцепились они в высоту, как в свое,
Огонь минометный шквальный,
А мы все лезли толпой на нее,
Как на буфет вокзальный.
И крики «ура» застывали во рту,
Когда мы пули глотали.
Семь раз занимали мы ту высоту,
Семь раз мы ее оставляли*

В. Высоцкий. Высота

Введение

Некоторые военные кампании вспоминают как выдающиеся примеры военного искусства. Но существуют и страницы, которые вызывают гораздо меньше энтузиазма. Одной из них является операция, которая длилась целый год – с февраля 1942 года по март 1943 года. Части и соединения Красной армии вели тогда сражение, которое стало одним из самых забытых эпизодов Великой Отечественной войны. Это бои в районе Зайцевой Горы, расположенной в Бярятинском районе Калужской области. Бои закончились успехом Красной армии. Однако этот успех потребовал много времени и жертв. В этом противостоянии имело место одно из самых кровавых столкновений за время всей войны, причем в самых тяжелых погодных и природных условиях. Сражение под Зайцевой Горой не отличалось блестящими идеями командования Красной армии. Военные действия не развивались стремительно. Но были случаи, когда командиры с обеих сторон проявляли мастерство, вполне сравнимое с храбростью сражавшихся солдат, которыми они руководили. Сражение под Зайцевой Горой оставило потомкам много достойных воспоминания моментов и эпизодов.

Для начала хотелось бы объяснить читателю, что же на самом деле такое и где расположена эта печально известная Зайцева Гора. Деревня Зайцева Гора расположена на 268-м километре Варшавского шоссе между городами Юхновом и Спас-Деменском. Территория данного населенного пункта совпадает с самой высокой точкой Калужской области, которая на картах обозначена как высота 275,6 (именуемая Зайцева гора). Зимой 1941/42 года здесь была развернута цепь немецких опорных пунктов для удержания Варшавского шоссе, которое являлось ключевой артерией снабжения юхновской группировки вермахта. Центр обороны противника, прикрывавшего подходы к Зайцевой Горе, находился в 5–6 километрах юго-западнее, на высоте 269,8 с прилегающими к ней деревнями Фомино-1 (ныне Цветовка) и Фомино-2 (ныне Зубровка). В этом месте и развернулась та трагедия, которую принято называть битвой за Зайцеву Гору, хотя здесь имеется некоторое допущение. Эти две высоты (275,6 и 269,8) имели огромное стратегическое значение в обороне немцев. С них шоссе и окружающая местность контролировались на десятки километров. Противник в районе Зайцевой Горы имел развитую сеть опорных пунктов, построенных по системе флангового огня, насыщенных различного вида вооружением, с многочисленными инженерными сооружениями. Опушки леса и проходы в болотах были заминированы и опоясаны проволочными заграждениями. Кроме того, гребень

высоты 269,8 создавал крайне тяжелые условия для штурма ее советскими частями. Именно в боях за Зайцеву Гору многие тысячи бойцов и командиров Красной армии погибли, выполняя безумные приказы командования.

В течение месяца (с 26 марта по 30 апреля 1942 года) части 50-й армии на пятнадцатикилометровом участке фронта (от деревни Лоцихино до Зайцевой Горы) вели атаки на опорные пункты немцев. За этот месяц наши части понесли ужасные потери. При изучении данных о потерях в Центральном архиве Министерства обороны мороз идет по коже. Сколько же солдат погибло у подножия высоты 269,8, непосредственно на высоте и при штурме близлежащих деревень: Зубровка, Сининка, Прасоловка...

Занимаясь на протяжении нескольких лет поиском пропавших без вести бойцов в этом районе, мы столкнулись с тем, что сколь-нибудь достоверная информация об этом сражении в литературе отсутствует. Есть лишь скудные замечания в мемуарной и краеведческой литературе да воспоминания ветеранов, которых, к сожалению, с каждым годом становится все меньше. Во многом при создании данной работы помогли материалы Центрального архива Министерства обороны в городе Подольске, добытые в результате многолетней работы, и фонды музея «Зайцева Гора». В настоящее время появилась возможность использования зарубежных источников, и прежде всего немецких. Это дает возможность оценить картину боевых действий на данном участке фронта с обеих сторон. При изучении боевых действий в районе Зайцевой Горы и высоты 269,8 нами были использованы следующие немецкие источники: журнал боевых действий 267-й пехотной дивизии (NARA, KTB 267ID, T. 315Roll 1844); August Schmidt. «Die Geschichte der 10 infanterie-Division», Dorfler, 2005; Rolf Hinze. «Bug – Moskwa – Beresina (Die 260 ID wird in diesem Buch oft erwahut da sie ais Nachbardivision der 267 ID eingesetzt)». 1978.

Мы ставим своей целью подробно и детально, насколько это позволяют источники, восстановить эту несправедливо забытую страницу Великой Отечественной войны.

Глава 1

Накануне

5 декабря 1941 года началось контрнаступление советских войск под Москвой. К началу января 1942 года советские войска успешно выполнили стоявшие перед ними задачи, разгромив ударные соединения группы армий «Центр», прорвавшиеся к Москве с севера и юга. Они отбросили противника от Москвы на 100–150 километров. За период наступления советские войска освободили более 11 тысяч городов и деревень, в том числе Калинин и Калугу, ликвидировали угрозу Туле. В конце декабря 1941 года фланги группы армий «Центр» затрещали по швам. Если на севере покатила назад 9-я армия с подчиненной ей 3-й танковой группой, то на юге не удержали позиции 2-я танковая армия с подчиненной 2-й армией и правый фланг 4-й армии. Соединения советских 49-й армии и 50-й армии продвинулись на запад и северо-запад в направлении Калуги. 21 декабря 1941 года советские части уже ворвались на окраины этого старинного русского города (окончательно Калуга была освобождена 30 декабря). В результате этого удара образовалась брешь между 2-й танковой и 4-й полевой армиями. Для ее ликвидации по приказу штаба группы армий «Центр» 27 декабря была образована группа «Штумме». Эта группа (командир – генерал танковых войск Штумме, командный пункт – Сухиничи) подчинялась штабу 4-й армии и включала в себя управление 40-го корпуса, части 216-й пехотной дивизии, 234-го пехотного и 156-го артиллерийского полков. Главными задачами группы являлись «охрана железнодорожных путей у Сухиничи, восстановление связи с северным флангом 2-й ТА и южным флангом 4-й А...»¹.

Однако скорого улучшения ситуации на этом участке фронта группы армий «Центр» не произошло. Советские войска продолжали продвижение вперед. 31 декабря 1941 года в оперативном донесении группы армий «Центр» в Генштаб ОКХ отмечалось, что на фронте 40-го корпуса «противник с юга и востока на широком фронте начал наступление на Сухиничи, численностью до дивизии...». Констатировалось, что началась эвакуация немецких сил из населенного пункта Гатен, а также то, что «неприятель расширил прорыв между внутренними флангами 2-й ТА и 4-й А и атаковал германские войска в направлении к западу и северо-западу... Противник атаковал Сухиничи с востока и с юга численностью до дивизии, а кавалерийские части противника продвинулись в направлении Юхнова, к северу»². Войска группы армий «Центр» в ноябре – декабре 1941 года понесли очень большие потери, были измотаны, утратили весьма значительное количество тяжелого вооружения, танков и другой техники и имели низкую боеспособность. Почти во всех частях отмечались случаи заболевания сыпным тифом, увеличивались потери от обморожения. В танковых частях ощущалась острая нехватка материальной части и подготовленных танковых экипажей. Огромные потери были в офицерском составе строевых частей. По состоянию на 5–6 января 1942 года во многих пехотных батальонах противника насчитывалось по 90–100 человек, в батареях – по 1–2 орудия, в танковых полках и даже дивизиях – по 10–14 танков³.

Падение морального духа гитлеровских войск вызывало среди них почти повальное мародерство, грубые нарушения дисциплины. Наблюдались частые случаи паники и даже дезертирства.

¹ Мягков М.Ю. Вермахт у ворот Москвы. 1941–1942 годы. М.: ОЛМА-Пресс, 2005. С. 156.

² Там же.

³ Разгром немецко-фашистских войск под Москвой / Под ред. В.Д. Соколовского. М.: Воениздат, 1964. С. 312.

Несмотря на такое тяжелое состояние отступавших войск, высшее германское командование требовало от них упорного сопротивления, так как дальнейший отход явно грозил полной катастрофой. В приказе Гитлера от 3 января 1942 года указывалось:

«Цепляться за каждый населенный пункт, не отступать ни на шаг, обороняться до последнего солдата, до последней гранаты – вот чего требует текущий момент. Каждый занимаемый нами пункт должен быть превращен в опорный пункт, сдачу его не допускать ни при каких обстоятельствах, даже если он обойден противником. Если все же, по приказу вышестоящего начальства, данный пункт должен быть нами оставлен, необходимо все сжигать дотла, печи взрывать...»⁴

В результате экстренно предпринятых мероприятий, в том числе расстрелов и других репрессий, немецко-фашистскому командованию удалось с помощью подходивших из глубины отдельных резервных соединений навести относительный порядок в своих войсках и на основных направлениях организовать оборону. На Ржевском и Вяземском направлениях она имела заверченный вид и состояла из ротных опорных пунктов и батальонных узлов сопротивления, созданных главным образом вокруг населенных пунктов и узлов дорог. Промежутки между ними, как правило, прикрывались фланкирующим и перекрестным артиллерийским и пулеметным огнем. Глубокий снег способствовал созданию такой оборонительной системы, так как позволял наступающему передвигаться по снежной целине только на лыжах. Основу вражеской обороны составлял взаимодействующий огонь всех видов оружия с подготовленным сосредоточением его на тактически важных направлениях и участках. Наибольшее сопротивление советским войскам немецко-фашистское командование рассчитывало оказать в главной тактической полосе обороны глубиной 6–8 километров. За месяц советского наступления общие потери только сухопутных войск вермахта составили более 168 тысяч человек.

Но и потери Красной армии были велики. Снабжение войск в связи с увеличением коммуникаций и острым недостатком автотранспорта на ряде направлений стало затруднительным. Недостаток дорог ограничивал подвоз всех видов снабжения на передовую. Особенно тяжело обстояло дело со снабжением войск винтовками, автоматами и некоторыми видами боеприпасов, прежде всего 120-мм минами и 76-мм артиллерийскими снарядами. В некоторых армиях в начале января вообще не было снарядов ни для полковой, ни для противотанковой артиллерии. На армейских складах Западного фронта имелось всего 1–1,5 суточной дачи продовольствия и фуража, при этом некоторых видов продовольствия (мясо, концентраты) не было совершенно. Отсутствовало на складах и горючее. Укомплектованность частей и соединений личным составом оставалась явно недостаточной. Средняя численность стрелковых дивизий Калининского и Западного фронтов колебалась в пределах 3–5 тысяч человек. Некоторые дивизии (например, 247-я и 251-я и др.) имели в среднем не более 2 тысяч солдат и командиров⁵. Только отдельные дивизии насчитывали до 6–7 тысяч человек. Войска Северо-Западного фронта, не участвовавшие в контрнаступлении (382, 358, 334 и 360-я дивизии 4-й ударной армии), а также четыре дивизии Калининского фронта (379, 363, 359, 355-я), в которых имелось до 10 тысяч человек в каждой, находились в лучшем положении.

Войска, особенно Калининского и Западного фронтов, испытывали острый недостаток в танках и орудиях. В танковых бригадах имелось по 15–20 танков (из них 80–90 процентов легких), а в артполках – по 11–13 орудий. В 112-й танковой дивизии Западного фронта на 8 января 1942 года имелся всего один танк Т-34 и пять танков Т-26⁶.

Нельзя не отметить также и то, что к началу 1942 года значительно сократились возможности противовоздушной обороны войск.

⁴ Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. С. 312.

⁵ Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. С. 314.

⁶ Там же.

В начале января 1942 года на западном направлении у противника продолжала действовать в воздухе оперативная группа «Восток», в составе которой насчитывалось примерно 615 истребителей, бомбардировщиков и других самолетов. В качественном отношении эти силы были слабее тех, которые участвовали в наступлении на Москву осенью и в начале зимы 1941 года. Значительная часть кадровых летчиков, а также самолетов была потеряна в борьбе с советской авиацией и от огня зенитной артиллерии противовоздушной обороны фронтов и Москвы в период ноябрьско-декабрьских сражений и налетов на советскую столицу. Но при всем этом авиация врага все еще представляла серьезную силу и в ряде случаев активно содействовала своим наземным войскам.

В советских ВВС, по сравнению с декабрем 1941 года, особых изменений не произошло. По общему количеству самолетов на всем западном направлении они превосходили авиацию противника, но только формально, ибо по мере удаления наступавших войск от Москвы количество истребительной авиации (в частности, самолетов 6-го истребительного корпуса ПВО Москвы), предназначенной для прикрытия войск, быстро сокращалось. Поэтому фронты в дальнейшем могли в основном рассчитывать лишь на свои собственные ВВС. Силы же эти, особенно в части истребителей, были весьма невелики и уступали количественно и качественно противнику. Если вычтуть из общего количества 1422 самолета 320 истребителей ПВО Москвы и 548 небоевых машин (У-2, Р-5), то для поддержки фронтов оставалось всего 554 боевых единицы⁷. Таким образом, противник по числу самолетов превосходил авиацию Северо-Западного, Калининского и Западного фронтов. С учетом же качественного превосходства материальной части немецких самолетов и того, что советские бомбардировщики устаревших типов могли выполнять боевые задания только ночью, общее превосходство врага в воздухе становилось еще более внушительным. Фактически противник превосходил нашу авиацию примерно в два раза.

Военно-воздушные силы действовали в очень сложных условиях. На авиацию возлагалась задача прикрывать обширные районы, поддерживать наземные войска, вести борьбу с вражескими самолетами в воздухе и на аэродромах, не допускать подхода резервов противника к линии фронта, проводить разведку, а впоследствии поддерживать войска и снабжать их в тылу противника.

Тем не менее, перехватив стратегическую инициативу на главном направлении и расширив фронт активных действий, Красная армия перешла в общее наступление, задачи которого были изложены Ставкой Верховного главнокомандования в директиве от 7 января 1942 года. В соответствии с этим было приказано:

войскам Калининского фронта нанести удар из района западнее Ржева в общем направлении на Сычевку, Вязьму с задачей перехватить железную и шоссейные дороги Гжатск – Смоленск западнее Вязьмы и лишить противника основных коммуникаций. В дальнейшем совместно с войсками Западного фронта окружить, а затем разгромить всю можайско-гжатско-вяземскую группировку противника;

войскам Западного фронта нанести главный удар силами группы генерала Белова и 50-й армии на Вязьму и завершить окружение можайско-гжатско-вяземской группировки противника с юга во взаимодействии с войсками ударной группировки Калининского фронта. Одновременно с этим силами 20-й армии прорвать фронт противника и нанести удар в направлении на Шаховскую, Гжатск, направив часть сил армии в тыл группировки противника, оборонявшейся в районе Лотошино, где совместно с 30-й армией Калининского фронта окружить и уничтожить ее;

войскам Северо-Западного фронта нанести левым крылом удар из района Осташкова в общем направлении на Торопец, Велиж, Рудня и, взаимодействуя с войсками Калининского

⁷ Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. С. 316.

фронта, отрезать пути отхода противнику, не дав ему закрепиться для обороны на рубеже Андреаполь, западный берег реки Западная Двина, Ярцево; после этого ударом на Рудню перехватить дороги западнее Смоленска.

Замысел Ставки Верховного главнокомандования в целом учитывал общую стратегическую обстановку и определял новые, весьма обширные задачи трем фронтам, исходя из оперативного положения каждого из них. Ставка рассчитывала, что одновременными ударами с севера, юга и востока на Вязьму противник будет разбит войсками Калининского и Западного фронтов, а наступлением армий левого крыла Северо-Западного фронта ему будут отрезаны пути отхода на запад. При этом считалось, что первые два фронта будут выполнять главную задачу, а третий (Северо-Западный) – вспомогательную.

Однако существенным недостатком этого замысла являлась именно его обширность: он не обеспечивался в тогдашних условиях достаточными силами и средствами. Отсутствие крупных оперативных резервов для необходимого по обстановке усиления наступавших фронтов не сулило нового крупного стратегического успеха. В рамках данной работы нас будут интересовать события, происходившие в первой половине 1942 года в полосе левого крыла Западного фронта. Поэтому необходимо подробнее остановиться на директивах Западного фронта, определявших его задачи в целом и левого крыла в частности.

Военный совет Западного фронта задачу своих войск, нацеленных на окружение Можайско-гжатско-вяземской группировки противника с юга, конкретизировал в директиве от 8 января 1942 года. Согласно ей, часть сил фронта (правое крыло – 1-я ударная, 20-я и 16-я армии) должна была наступать из района Волоколамска на Гжатск; часть сил центра (5-я и 33-я армии) – в обход Можайска с юга; остальные силы фронта (43, 49, 50-я армии и группа Белова) после разгрома кондрово-юхновско-медынской группировки противника должны были нанести удар в северо-западном направлении на Вязьму с целью окружения и разгрома Можайско-гжатско-вяземской группировки противника совместно с Калининским фронтом. 10-я армия должна была обеспечить этот удар с запада и юго-запада.

Главный удар на Волоколамско-Гжатском направлении наносила 20-я армия, на Юхновско-Вяземском направлении – 50-я армия и группа генерала Белова. Таким образом, решения командования Западного фронта отвечали замыслу и директиве Верховного главнокомандования. Однако для нанесения сокрушающих ударов противнику на Ржевском и Вяземском направлениях необходимо было иметь сильные ударные группировки, способные взломать оборону противника и обеспечить быстрое продвижение в глубину, чего фронты без дополнительного усиления сделать не могли. Фактическое соотношение сил в полосах действий главных в операции – Калининского и Западного – фронтов было таково, что их войска лишь незначительно превосходили противника по личному составу в боевых частях (1,1:1) и по количеству танков (1,3:1). По артиллерии в целом они находились в равном положении с противником, но уступали ему, как и прежде, в противотанковой артиллерии (1:2,8) и орудиях крупных калибров (1:1,7). Противник все еще превосходил авиацию наших фронтов почти в два раза.

В таких условиях рассчитывать на полный успех можно было только с учетом деморализации вражеских войск или допущении противником крупных оперативных ошибок.

Наступление советских войск на Западном направлении развернулось без оперативной паузы. Так, 8 января 1942 года начался завершающий период битвы под Москвой.

Глава 2

Начало (январь 1942 года)

Наступление войск левого крыла Западного фронта в январе 1942 года охватывает действия его 43, 49, 50 и 10-й армий, группы генерала Белова, а также 61-й армии, переданной из Брянского в Западный фронт в середине января, уже в ходе наступления.

«14 января Военный совет Западного фронта частными директивами № К-41, К-42 и К-43 поставил очередные задачи перед правым крылом, центром и левым крылом фронта в развитие осуществляемого плана действий. Левому крылу фронта было указано:

1 Кондрово-юхновская группировка противника, упорно обороняясь, стремится удержать Варшавское шоссе и прикрыть направление Гжатск, Вязьма и Рославль.

2 Ближайшая задача армий левого крыла Западного фронта – завершить разгром кондрово-юхновской группировки противника и в дальнейшем ударом на Вязьму окружить и пленить можайско-гжатско-вяземскую группу противника во взаимодействии с армиями Калининского фронта и армиями центра Западного фронта»⁸.

Таким образом, намечалось провести окружение и разгром главных сил центральной группы немцев концентрическими ударами двух фронтов, нацеливая эти удары в общем направлении на Вязьму с севера, северо-востока, востока и юго-востока.

«Соотношение в живой силе, артиллерии и танках по армиям левого крыла Западного фронта было следующим:

49-я армия:

в живой силе – 2:1 (в пользу наших войск);

в артиллерии – 1,55:1 (в пользу наших войск);

в танках – 0.

50-я армия и 1-й гвардейский кавалерийский корпус:

в живой силе – 3,5:1 (в пользу наших войск);

в артиллерии – около 2:1 (в пользу наших войск);

в танках – 2:1 (в пользу наших войск).

10-я армия:

в живой силе – около 3,5:1 (в пользу наших войск);

в артиллерии – 1,16:1 (в пользу наших войск);

в танках – 1:0 (в пользу противника)».

Приведенный расчет показывает, что мы имели в живой силе по всему левому крылу превосходство (в среднем) немногим более чем в два раза, в артиллерии – в полтора раза. В танках на Юхновском направлении мы имели превосходство почти в два раза, а на Сухиничском превосходство оставалось за противником. Однако, по словам Б.М. Шапошникова, «в описываемый период боевых действий танков у обеих сторон было мало, и они сколько-нибудь значимой роли не играли»⁹.

Наступление этих войск велось в более сложных условиях, чем на правом крыле и в центре. В конце декабря 1941 – начале января 1942 года в результате успешного удара войск левого крыла Западного фронта между флангами 4-й полевой и 2-й танковой армий на участке Юхнов, Белев был создан и последовательно расширялся далее (до 100–150 км) оперативный прорыв, где вначале сплошного фронта уже не было ни у противника, ни у наступавших советских войск. Вот почему боевые действия в полосе прорыва для наших войск приобрели форму

⁸ Шапошников Б.М. Битва за Москву. Версия Генерального штаба. М.: Яуза; Эксмо, 2005. С. 462–463.

⁹ Шапошников Б.М. Указ. соч. С. 462–463.

наступления на отдельных направлениях, а для противника – форму «очаговой» обороны. Особенно сложной оказалась обстановка в полосах действий 10-й армии и группы генерала Белова.

Главные усилия 43-й армии (17, 53, 415-я стрелковые дивизии, 5-й воздушно-десантный корпус, 26-я танковая бригада) после овладения ею Малоярославцем были направлены в основном на захват Медыни – важного опорного пункта противника на Варшавском шоссе. Бои за Медынь начались 8 января 1942 года. Наступление 1-го гвардейского кавкорпуса генерал-майора Белова через Мосальск в направлении Варшавского шоссе создавало угрозу ликвидации пути снабжения 4-й полевой и 4-й танковой армий через Рославль и Спас-Деменск на Юхнов.

В этих условиях генерал-полковник Гепнер (командующий 4-й танковой армией), не видя возможностей для дальнейшего удержания позиций, отдал 8 января 1942 года приказ об отводе 20-го армейского корпуса. Но уже в 23 часа 35 минут того же дня он был поставлен в известность, что отстранен от командования. На его место был назначен генерал пехоты Рихард Руофф (бывший командир 5-го армейского корпуса). Еще через 25 минут Генштаб ОКХ передал в войска новое решение фюрера, в котором все же разрешался отвод соединений 4-й полевой армии на *«промежуточный укрепленный рубеж по линии Zubovo – Товарково – Медынь»*. Отход частей мог осуществляться только *«под давлением противника таким образом, чтобы не допускать тяжелых потерь...»*. В телеграмме штабу группы армий «Центр» указывалось также, что *«задача укрепления шоссе от Рославля через Юхнов на Медынь может быть выполнена силами 4-й А лишь относительно. Пока в нашем распоряжении не будет иметься по-настоящему боеспособных соединений 4-й А не только северо-восточнее, но и юго-западнее Юхнова, угроза со стороны противника может превратиться в серьезную опасность этой важной для всей 4-й А коммуникации...»*¹⁰. Чтобы улучшить положение дел в районе Юхнова и Медыни, Гитлер приказал снять часть сил 4-й армии с участка севернее Калуги для восстановления связи между 19-й танковой и 137-й пехотной дивизиями и последующего контрудара на Zubovo.

Восстановить положение и задержать продвижение советских войск на запад немецкое командование тогда не смогло. Части 50, 49 и 43-й советских армий наступали на Юхнов с трех направлений. 43-я армия атаковала также и Медынь. Чуть севернее в районе Вереи активно действовали соединения 33-й армии генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова. Выход этой армии на оперативный простор создавал угрозу основным коммуникациям группы армий «Центр» и непосредственно городу Вязьме – важнейшему транспортному узлу в тылу немецких войск.

12 января 1942 года из штаба 4-й армии в группу армий «Центр» поступила следующая радиограмма: *«Медынь окружена с севера и северо-запада. Имеющиеся там слабые силы не могут удержать город. В случае прорыва под Медыню, что практически неизбежно, противник по шоссе дойдет до Юхнова; и нет возможности выставить против него ни одного немецкого солдата. В результате будет разбита вся 4-я А...»*¹¹

Лишь после долгих переговоров фон Клюге удалось вырвать у Гитлера разрешение на отвод части сил 4-й армии на укрепленный рубеж по реке Шаня (западнее Медыни). Однако общая ситуация на фронте группы армий «Центр» оставалась сложной. Прорывы фронта в районе Волоколамска и Вереи делали невозможным удержание немецких позиций по реке Руза. 9 января 1942 года штаб дивизии СС «Райх» (оборонявшейся на этом участке) отдал предварительное распоряжение об отходе на тыловые позиции. Командование дивизии констатировало: *«Русские позиции, вероятно, в ближайшее время будут оставлены...»*¹² При проведении отступления намечалось полностью уничтожить все населенные пункты, находящиеся на пути

¹⁰ Мязгов М.Ю. Указ. соч. 165.

¹¹ Мязгов М.Ю. Указ. соч. С. 165.

¹² Там же. С. 166.

отхода немецких частей. Поджоги, разрушение всех очагов и печей объявлялись необходимым условием для проведения операции. 14 января город был освобожден советскими войсками.

Овладение Медынью являлось крупным успехом советских войск и создавало возможность развить удар во фланг юхновской группировке противника. Но враг очень упорно оборонялся вдоль Варшавского шоссе, а наступавшие войска армии были малочисленными. Поэтому только 16 января удалось захватить опорный пункт Кошняки и передовыми частями выйти в район Износки. Остальные силы армии к этому времени вели бои на рубеже реки Шаня.

Здесь завязались ожесточенные бои. Лишь к 29 января войскам армии удалось преодолеть оборону противника, овладеть Мятлево и выйти на рубеж реки Изверь.

На этом продвижение 43-й армии, по существу, закончилось. В дальнейшем она вела затяжные бои в районе Износки, Извольск и в районе юго-западнее Мятлево. Охват юхновской группировки противника с севера для 43-й армии оказался непосильным. Эта группировка врага по-прежнему продолжала упорно обороняться, причем в ее составе появились части 57, 23, 12 и 43-го армейских корпусов 4-й полевой армии. Ликвидация врага в районе Юхнова продолжалась до марта 1942 года.

49-я армия (5-я гвардейская, 60, 133, 173, 194, 238-я стрелковые дивизии, 19, 26, 30, 34-я стрелковые бригады, 18-я и 23-я танковые бригады) вела наступление в общем направлении Детчино, Кондрово, Юхнов. Наибольшее сопротивление противник оказывал вначале на рубеже реки Суходрев. Соединения армии на 8 января занимали следующее положение: 5-я гвардейская стрелковая дивизия, 34-я и 30-я стрелковые бригады наступали на Мотякино, которым и овладели в этот день; 133-я стрелковая дивизия и 19-я стрелковая бригада готовились к наступлению на Детчино; 173-я стрелковая дивизия готовилась к наступлению на Лисенки; 238-я стрелковая дивизия отражала контратаки противника из районов Мызги и Николаевки¹³.

В связи с успехом нашего наступления в полосах соседних армий (43-й и 50-й) 9 января сопротивление противника на участке 49-й армии было преодолено, и он начал отход на запад под прикрытием арьергардов. Войска армии, сломив сопротивление этих арьергардов, овладели Детчино, рядом других населенных пунктов и начали преследование. Однако 15–16 января противник вновь оказал упорное сопротивление на рубеже Кондрово, Полотняный Завод. После напряженных боев войска армии 18 января овладели Полотняным Заводом, а 19 января – Кондрово, откуда продолжали наступление, отбрасывая противника на запад, к Варшавскому шоссе.

К концу января 49-я армия вплотную подошла к рубежу Руденка, Федюково и другим населенным пунктам восточнее Варшавского шоссе, где вновь встретила упорную оборону противника на подготовленных позициях.

В итоге с 8 по 31 января 49-я армия продвинулась с рубежа реки Суходрев до Варшавского шоссе северо-восточнее Юхнова на 55–60 километров. Это продвижение к Юхнову с востока хотя и было замедленным, но все же существенно способствовало наступлению 43-й армии на Медыньско-Мятлевском направлении и 50-й армии на Калужско-Юхновском направлении, оперативно составляя с ними единое целое.

50-я армия (154, 217, 258, 290, 340, 413-я стрелковые дивизии, 31-я кавалерийская дивизия, 112-я танковая дивизия, 32-я танковая бригада) наступала в сложных условиях. Выполняя поставленную ей задачу – удар на Юхнов с юго-востока – и встречая при этом упорное сопротивление вначале южнее Полотняного Завода, на восточном берегу реки Угра, а затем – западнее и южнее этой реки, войска армии в ходе операции последовательно перегруппировывались к левому флангу с целью охвата правого фланга оборонявшегося перед ними против-

¹³ Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. С. 351.

ника. Перегруппировка проводилась во взаимодействии с войсками группы генерала Белова, наступавшей вначале на Юхнов, а затем на Мосальск.

Уже к 8 января фронт 50-й армии и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса между Калугой и Юхновом был обращен в основном к северу.

9 января группа генерала Белова, находившаяся в районах Zubovo, Давыдово, Прудиси, приступила к выполнению новой задачи: с занимаемого рубежа ее войска начали перегруппировку в направлении на Мосальск, который они должны были захватить во взаимодействии с правофланговыми дивизиями 10-й армии. Левофланговые войска 50-й армии должны были принять район, который занимали до того войска группы генерала Белова, и вести наступление на Юхнов также и с юга (вдоль дороги Мосальск – Юхнов).

Противник упорно сопротивлялся, и наступление левофланговых войск 50-й армии (290, 413 и 173-я стрелковые дивизии) развивалось медленно. Лишь правый ее фланг с утра 10 января успешно продвигался вперед вдоль южного берега реки Угра и одновременно с войсками 49-й армии приближался к Юхнову.

К середине января стало очевидным, что наступление 50-й армии на Юхнов затормозилось. Опорные пункты противника Кудиново, Zubovo, Прудиси и др. продолжали упорно сопротивляться. Положение войск армии к концу месяца (30 января) изменилось лишь за счет некоторых перегруппировок и сохранилось, по существу, до марта, так как все попытки захватить Юхнов обходом с юга успеха не имели. Как и в других армиях фронта, достаточных сил для развития наступления в 50-й армии не хватало.

Группа генерала Белова в начале января быстрее всех выдвинулась к Юхнову и завязала бои на южных подступах к нему еще до подхода 50-й армии. Но здесь наша конница столкнулась с сильной группировкой противника, закрепившейся в опорных пунктах и оборонявшейся при поддержке отдельных групп танков. Дальнейшая задержка группы южнее Юхнова являлась нецелесообразной, поэтому командование фронта после выхода левофланговых соединений 50-й армии в район действия конницы приняло решение направить ее на Мосальск.

*«Успешно выполнив новую задачу и овладев этим городом, войска группы генерала Белова повели наступление на Людково, Соловьевку, прорываясь через Варшавское шоссе в направлении на Вязьму»¹⁴. Однако и здесь противник успел организовать сильную оборону, преодолеть которую конница, хотя и усиленная небольшим количеством танков и пехотой, с ходу не смогла. Группе Белова были поставлены действительно масштабные задачи. Вполне логично было бы предположить, что для выполнения масштабных задач должны быть соответствующими обеспечены и поддержка войск, но вот с этим-то и возникли первые трудности. Сама группа войск генерала Белова, предназначенная для прорыва обороны противника, на первый взгляд выглядит достаточно внушительной: 1-й гвардейский кавалерийский корпус (1-я и 2-я гвардейские кавалерийские дивизии), 41, 57 и 75-я кавалерийские дивизии, 239-я и 325-я стрелковые дивизии, 2-я гвардейская танковая бригада, 15-й полк гвардейских минометов (36 установок М-13), 152-й дивизион малокалиберной зенитной артиллерии (16 орудий калибром 25 мм), 191-й пульбат и пять лыжных батальонов. Но, по словам самого Белова, *«несмотря на большое количество соединений, из-за больших потерь в предшествующих боях в группе насчитывалось около 28 тысяч личного состава, немногим более 500 орудий и минометов (из них калибром 76 и 122 мм – только 126), 8 танков Т-60»¹⁵. К началу прорыва в соединениях группы имелось менее одной суточной дачи продовольствия и фуража, от 0,5 до 1,5 заправки горючесмазочных материалов и не более 0,5 боекомплекта боеприпасов. Наступление группы осложнялось бездорожьем, сильными морозами, слабой поддержкой авиации. Несмотря на это,**

¹⁴ Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. С. 353.

¹⁵ Белов П.А. Пятимесячная борьба в тылу врага // Военно-исторический журнал. 1962. № 8. С. 57.

по словам П. Белова, *«инициатива была в наших руках, мы были полны энтузиазма и горячо верили в успех»*.

Наступление группы началось, по существу, без подготовки, что признает и сам Белов: *«Слишком малы были те силы, которые выделялись для действий по окружению сильной вражеской группировки»*. И как результат: *«Из-за недостаточной подготовки к прорыву, слабости средств подавления оборона противника не была подавлена»*. Пока 50-я армия вела позиционные бои под Юхновом, 1-й гвардейский кавалерийский корпус сражался за Варшавское шоссе. В течение 13–16 января группа Белова пыталась пересечь шоссе и продвинуться к Вязьме, но, по его воспоминаниям, *«все мои попытки оканчивались неудачно»* и далее: *«Я менял тактику, пытаюсь нанести удар то в одном месте, то в другом, наступая то днем, то ночью. Моя разведка проникала в тыл противника, но успеха все же не было»*¹⁶. Дело осложнялось еще и тем, что командование фронта постоянно требовало от генерала ускорить ход операции.

«Приказ командующего войсками Западного фронта от 20 января 1942 г. командующему оперативной группой генерал-майору П.А. Белову на ввод в прорыв на Вяземском направлении

Белову.

Строжайшие запрещаю переходить где-либо к обороне. Если есть щель, гоните все в эту щель и развертывайте эту щель ударом к флангам.

Десанту поставлена задача к исходу 21.1 занять Ключи.

Итак, в щель ввести 2 сд, 5 кд и 5 лыж. батальонов. Будет блестящий успех.

Юхнов будет взят 21.1 войсками 43, 49 армии

Болдин оскандалился.

Можайск взят Говоровым. Противник бежит по всему фронту. Давайте скорее к Вязьме. Горин в 25 км. от Вязьмы.

20.1.42 20.10 Жуков».

Об этом мы находим неоднократные замечания в походном дневнике П.А. Белова:

*«27 января 1942 года. У меня уже несколько дней находится заместитель командующего фронтом генерал Г.Ф. Захаров. Он прислан в качестве «толкача», чтобы заставить нас скорее выполнить задачу и наступать на Вязьму. С первых же дней он стал угрожать отдельным офицерам расстрелом»*¹⁷. Более подробную информацию о данном эпизоде мы можем найти в книге Ф.Д. Свердлова «Ошибки Г.К. Жукова (год 1942)», основанной на воспоминаниях начальника разведки 1-го гвардейского кавалерийского корпуса А.К. Кононенко, которые тот не смог в свое время опубликовать по цензурным соображениям. Мы заранее просим у читателя извинения за пространную выдержку из книги, но, как говорится, из песни слов не выкинешь. Тем более что данный эпизод более подробно и живо нигде больше не освещается. Итак, обратимся к работе Ф.Д. Свердлова:

«Вечером в домик начальника разведки корпуса А.К. Кононенко вошел начальник связи полковник Буйко и сказал:

– Приехал заместитель Жукова генерал Г.Ф. Захаров. Он у Белова. Ехал на санях от самой Калуги, видно, боялся лететь на У-2. Вызывает тебя с докладом.

Когда Кононенко вошел в домик Белова, там за столом стоял ниже среднего роста, с широким, угрюмым лицом, незнакомый генерал. Он молча показал ему на стол рукой, давая понять, где тот должен развернуть свою карту для доклада, Кононенко доложил, что на участке Варшавского шоссе, где корпус безуспешно пытался прорваться, оборонялась 10-я мотодивизия немцев, а правее и левее – 34-я, а также 216-я пехотные дивизии. Все указанные соединения входили в состав 4-й немецкой армии. Глубина обороны немцев была небольшой. За

¹⁶ Белов П.А. Походный дневник // Военно-исторический архив. 2005. № 3. С. 55.

¹⁷ Белов П.А. Походный дневник. С. 56.

шоссе их части располагались в населенных пунктах, приспособив их, как правило, к круговой обороне. Дороги между такими пунктами были расчищены, и по ним патрулировали танки и бронетранспортеры. Генерал слушал, не перебивая, но пальцы на его руках и коленки дрожали. Он тихо с каким-то шипением спросил: «Что ж, перед вами обороняется одна паршивая дивизия немцев, а вы целым корпусом топчетесь на месте и не можете прорваться через ее слабую оборону?» Он замолчал, глубоко вдохнул воздух, задержал выдох и снова сказал: «Кроме того, у вас две стрелковые дивизии, а вы...» и он грязно выругался, с трудом сдерживая гнев. Генерал, видно, не знал, что легкие кавалерийские дивизии, да и две стрелковые дивизии насчитывали менее трех тысяч человек каждая, что основная тяжесть боя ложилась на две гвардейские кавалерийские дивизии. Но они шли в атаку на танки и укрепления немцев почти с голыми руками, несли огромные потери.

«Нет, товарищ генерал, – ответил Кононенко, – без танков, без артиллерии через шоссе нам не прорваться. Мы положим всех людей, а успеха не будет. И дивизия немцев не так уж паршива, как вы сказали, у нее почти десять тысяч человек, есть достаточно танков, в неограниченном количестве боеприпасы, ее солдаты обогреваются в населенных пунктах и в специально оборудованных блиндажах, она не ощущает недостатка в продовольствии, а мы? Мы воюем почти голыми руками и вдобавок впроголодь, у нас даже лошади часто остаются без фуража, а что толку от кавалериста, если его конь голоден?»

Несчастье Кононенко, как оказалось, заключалось в неумении кривить душой.

Захаров резко сдвинул его отчетную карту, давая понять, что доклад окончен, сел на стул и, часто дыша, спросил: «А почему же у вас нет танков, артиллерии, снарядов, мин?» Он глубоко вздохнул, сделал паузу, вскочил и пискливо выкрикнул: «Почему-у-у? Где продовольствие?! Где ваши тылы?!» И опять грубо выругался. Вопрос был задан явно не по адресу. Кроме того, на такие вопросы ответ следовало держать самому. Тыл фронта явно не справлялся со своими обязанностями по обеспечению и снабжению войск. Он работал в диссонанс с задачами, которые ставил войскам командующий фронтом. А может, в диссонанс с возможностями тыла действовал командующий?

Кононенко с удивлением смотрел на Захарова. Тот вспотел, его глаза, вылезавшие из орбит, ничего и никого не видели. Он бросился к Кононенко, перед лицом которого зачернело дуло пистолета «Вальтер», и закричал фальцетом: «Застрелю, мерзавец, кто тебе должен расчищать дороги, я, да?! Я сам ехал к вам на санях! Я – замкомфронта!» В то же мгновение между ними появился представитель авиации генерал Николаенко. Он легко, левой рукой отстранил пистолет Захарова, а в правой руке держал раскрытую коробку папирос «Казбек». Поднеся коробку почти к самому лицу разбушевавшегося генерала, он спокойно и настойчиво твердил: «Не волнуйтесь, закурите папиросу, закурите, закурите!» Одновременно левой рукой за своей спиной он сделал знаки Кононенко – уходи.

Вернувшись в свой домик, Кононенко застал там Буйко и начальника особого отдела корпуса Кобернюка. В нескольких словах рассказал им о «докладе».

«Не обращай внимания, – сказал Кобернюк, – я знаю этого ненормального еще с довоенного времени, он и тогда откалывал «номерочки», словом, мы тебя в обиду не дадим. Приедет Белов, мы с ним поговорим по этому вопросу».

К вечеру приехали генерал Белов и начальник штаба полковник Грецов. Замкомфронта после бурного скандала крепко спал, и генерал Николаенко подробно рассказал им о происшедшем.

Генерал Белов позвонил Кононенко и спросил: «Ну, как тебе понравился новый «бомбардировщик»?» С легкой руки Белова все в штабе корпуса стали называть генерала Захарова «бомбардировщиком». Но он принес корпусу куда больше несчастья и жертв, чем мог бы принести бомбардировщик.

Лишь позже, внимательно присматриваясь к поступкам, словам и действиям Захарова, Кононенко, как он пишет, понял, какой страшной злобой заполнено было все его существо, как дико ненавидел он людей. Злоба туманила его и так не весьма ясный рассудок. В его старой записной книжке о Захарове написано: «...он так обильно и плотно заполнен злобой, что никакие другие качества уже не могут в нем вместиться».

Поздно вечером Кононенко был вызван к Белову. В его домике находилось все командование корпуса. После неприятного и довольно продолжительного молчания заговорил Захаров. Он сказал:

«Поставленная фронтом задача вам ясна, вы должны прорваться через Варшавское шоссе в тыл врага или умереть. И я вам скажу прямо: или героическая смерть на шоссе и герои в тылу врага, или позорная смерть здесь. Повторяю, такова задача Жукова, фронта, Ставки и самого Сталина. Меня прислали сюда, чтобы я заставил выполнить задачу любыми средствами, и клянусь, я заставлю вас ее выполнить, я протолкну вас в тыл к немцам, хотя бы мне пришлось для этого перестрелять половину вашего корпуса. Вы должны прорваться в тыл врага с теми средствами, которыми сейчас располагаете. Вот почему здесь, на нашем Совете может идти речь лишь о том, как выполнить задачу, а не о том, что необходимо для ее выполнения».

Наступила опять тяжелая и продолжительная пауза, во время которой Захаров, тяжело дыша, переводил взгляд своих свинцово-холодных глаз на каждого по очереди.

Но вот он заговорил снова: «Я созвал вас сюда на Военный совет. Каждый должен обдумать решение и обоснованно доложить его. Помните: никаких дополнительных средств усиления. У нас с вами нет времени заниматься ерундой. Даю пятнадцать минут на обдумывание и принятие решения. Можете курить!»

Он говорил, то повышая тон, то снижая его до шепота, с каким-то змеиным присвистом, злоба кипела и клокотала в нем, он захлебывался ею. Стало ясно, что он приехал сюда не помогать, не организовывать снабжение, не предлагать какие-либо решения, способствующие улучшению проведения боя и операции, а «проталкивать», грозить, расстреливать, посылать людей на верную гибель. Он и в мыслях не имел тщательную подготовку прорыва обороны немцев с последующим прочным закреплением образовавшейся брешки для обеспечения действий корпуса в тылу врага.

Через 15 минут Захаров сказал: «Товарищи командиры, время кончилось, разведчик, докладывайте ваше решение».

Глубоко вздохнув и смотря в глаза Захарову, Кононенко начал: «Товарищ генерал, я не верю в успех и возможность прорыва через Варшавское шоссе без танков и артиллерии, тем более я не могу поверить, что после нашего прорыва можно будет закрепить образовавшуюся брешку и удерживать ее продолжительное время. Но поскольку вы поставили перед нами определенные условия, то у нас есть лишь одна возможность – прорваться в тыл врага, используя лесной массив на правом фланге восточнее деревень Лаврищево и Подберезье. Ночью в лесу немцы значительно ослабляют свою оборону, выводя часть сил для обогрева в ближайшие населенные пункты и в опорные пункты, расположенные у моста через реку Пополта и в лесу 2–3 км северо-восточнее. Днем же противник значительно усиливает здесь свою оборону. Есть также основание полагать, что лесной массив является местом стыка флангов 10-й моторизованной и 34-й пехотной дивизий. Исходя из сказанного, предлагаю следующее решение: силами 325-й и 239-й стрелковых дивизий с наступлением темноты прорваться через слабую оборону немцев в лесу и, выйдя на шоссе, закрепить фланги прорыва, перебросив сюда противотанковую артиллерию, производя минирование и завалы. Одновременно гвардейские кавалерийские дивизии корпуса, следуя во втором эшелоне за пехотой, используя лесной массив, завершат прорыв обороны противника севернее шоссе и быстро выйдут в тыл врага. Наши боевые порядки в настоящее время...»

Но Захаров не дал Кононенко закончить. Он закричал: «Да ты, сволочь, хочешь пройти в тыл противника за счет крови пехоты! Вон! Мерзавец! Застрелю! Вон!»

И снова Кононенко увидел в его руке «Вальтер», но Грецов поспешино вытолкнул его за дверь.

Утром стало известно, что на проходившем уже без Кононенко «Военном совете» под давлением Захарова было принято именно то решение, которое меньше всего обещало успех: прорыв осуществить с утра, по открытой местности, там, где корпус ближе всего подошел к Варшавскому шоссе. Действия и поступки Захарова становились странными и неоправданно свирепыми. Он по очереди вызывал к телефону командиров полков и дивизий, атаковавших шоссе, и, оскорбляя их самыми отборными ругательствами, кричал: «Не прорвешься сегодня через шоссе – расстреляю, мерзавец!» Он приказал судить и немедленно расстрелять пять человек командиров, бойцы которых не смогли прорваться через шоссе. Трагедия была потрясающая.

Захаров, выполняя роль толкача, всеми силами старался «протолкнуть» корпус в тыл противника, совершенно не думая о том, что будет после этого. Он не думал о том, как закрепить образовавшуюся брешь в обороне немцев. Ничего не сделал и для того, чтобы за корпусом прошли артиллерия и танки, палец о палец не ударил для того, чтобы наладить и обеспечить дивизию боеприпасами, продовольствием и фуражом. Он явно сам не верил в возможность успешных действий корпуса в рейде по тылам противника»¹⁸.

Вот такая «помощь» была предоставлена генералу П.А. Белову командованием Западного фронта для выполнения задачи.

Сам прорыв войск Белова через Варшавское шоссе в тыл противника проходил в несколько этапов с 24 по 30 января 1942 года. Попытки прорыва 24 и 25 января успеха также не принесли.

Наконец в ночь на 25 января одному из лыжных батальонов группы удалось захватить участок шоссе у моста через реку Пополта. А вот как описывает эти же события сам П.А. Белов: «В ходе боев выяснилось, что тянувшаяся вдоль восточного берега реки Пополта узкая полоска леса была не занята противником. Было решено использовать этот лес с тем, чтобы через него ночью прорваться к шоссе. В ночь на 26 января приданный 57-й кавалерийской дивизии 115-й лыжный батальон перешел через реку Пополту и прорвался к шоссе. За ним выдвинулись части 57-й кавалерийской дивизии и 1092-й стрелковый полк 325-й стрелковой дивизии»¹⁹. Немедленно сюда были подтянуты главные силы группы. В ночь на 27 января без больших потерь шоссе удалось пересечь трем войсковым соединениям (2-я гвардейская, 57-я и 75-я кавалерийские дивизии). Через двое суток – 29 января – в тыл противника прорвалась 1-я гвардейская дивизия, а в ночь на 30 января при наступившей метели, без единого выстрела удалось проскочить через шоссе штабу группы и еще нескольким частям. Все прорвавшиеся части сосредоточились в районе Стреленки. Таким образом, в тыл к противнику вышли почти все части пяти кавдивизий (около 6500 человек) и три лыжных батальона, в которых было до 900 человек. На прежнем месте остались обе стрелковые дивизии, танковая бригада и вся дивизионная артиллерия двух гвардейских кавдивизий, что в последующем тяжело сказалось на действиях группы. О трудностях прорыва свидетельствует и участник похода И.Г. Фактор:

«Наше наступление развертывалось в очень тяжелых условиях. Морозы доходили до 30–40 градусов. Но главная беда для конницы – глубокий снег, покрывавший поля Смоленщины и сильно затруднявший передвижение. Двигаться вне дорог было почти невозможно.

¹⁸ Свердлов Ф.Д. Ошибки Г.К. Жукова (год 1942). М.: Монолит, 2002. С. 37.

¹⁹ Белов П.А. Пятимесячная борьба в тылу врага. С. 58.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.